

Автор предупреждает, что все герои этого произведения вымышлены и сходство с реальными лицами и событиями может оказаться лишь случайным.

Пролог

Год 1812

Усадьба графов Шумских стояла на пути к Москве. Граф с сыном в рядах русской армии воевали с французами. Жена графа давно умерла, получив двухстороннее воспаление легких, в усадьбе жили дочь Наташа и сестра, которая уже много лет вела хозяйство. Она осталась старой девой из-за внешнего уродства и скверного характера, который с годами только ухудшился, однако знакомым и родственникам неустанно повторяла, что посвятила жизнь семье брата, племяннице и племяннику, что они должны быть ей благодарны до гробовой доски и регулярно молиться за ее здоровье. Племянник, молодой видный офицер, умел за себя постоять. Когда он жил в усадьбе, то не давал сестру в обиду. Да и сама тетка не позволяла себе травить Наташу в присутствии мужчин. Когда же они уехали воевать, Наташе совсем не стало житья в отчем доме.

Теперь Наташа не знала, что хуже: попасть в плен к приближавшимся к Москве французам, в руки совсем распоясавшихся мужиков, голоса которых доносились в дом (самые активные предлагали поднять старую каргу на вилы, про Наташу, правда, ничего не говорили: ее-то любили), или уехать вместе с теткой к каким-то дальним родственникам в Петербург.

Та только что заявила, что отдала приказ паковать сундуки и грузить подводы. И хотя дворовые девки тут же подчинились (графиню боялись все), мужики, как подозревала Наташа, могут и отказаться. Добра у Шумских бы-

ло немало. Старая графиня, похоже, намеревалась забрать все.

Наташе был дорог только портрет маменьки. Все маменькины украшения после ее смерти тетка забрала себе, объявив, что Наташе передаст их только после замужества. «Конечно, если тебя кто-нибудь возьмет замуж», — не преминула добавить.

Наташа была девушкой романтической, мечтала о любви и уже влюбилась в одного из друзей брата, который вместе с ним где-то воевал против французов. У самой Наташи никаких богатств не было. Хотя она знала, что их семью бедной никто бы не назвал.

...Графиня вскочила с кресла, в котором сидела, и рявкнула громовым голосом:

— Чего встала как истукан? Иди собирайся! Живо! Живо!

Наташа побежала от греха подальше.

Под руководством матери-командирши, то бишь старой графини, подводы к вечеру были готовы. Слуги, как заметила Наташа, работали с необычным для себя энтузиазмом. Потом девушка догадалась: хотят поскорее избавиться от присутствия старой карги. Лучше попасть к французам, чем терпеть ее присутствие.

— Поедем рано утром, — объявила графиня.

— Почему, тетя? — решила спросить девушка. — Ведь вы же сами сегодня утром говорили, что нужно как можно скорее...

— Утром! — повторила графиня. — Отправляйся спать.

Наташа пожелала тетке спокойной ночи и отправилась в свою светелку.

Заснуть не получалось. Потом она внезапно услышала, как в погруженном в темноту доме заскрипели половицы... Девушка сжалась. Привидение? Нет, не водилось у Шумских привидений. Кто-то из французов пробрался?..

Потом она услышала, как голос, который ни с чьим не перепутаешь, что-то невнятно пробурчал.

«Куда это тетушка отправилась среди ночи?» — поду-

мала Наташа. Девушка испугалась, что тетка уедет одна и бросит ее. Наташа не могла исключать такого варианта — она привыкла думать о папенькиной сестре самое худшее и ожидать от нее всяких гадостей. Девушка решила посмотреть, что старая карга собралась делать ночью.

Тихо встала с кровати, быстро оделась (Наташа прекрасно умела обходиться без помощи прислуги) и выскользнула из светелки. Дом был погружен в тишину — все спали. Вдруг Наташа услышала звук открываемой двери. Внизу.

Значит, точно решила уехать без нее? Отдала приказ кому-то из мужиков, которые побоялись послушаться... Наташа сжала кулачки.

Хорошо. Она останется. Пусть приходят французы. Пусть. Но напоследок она выскажет ненавистной тетке все, что о ней думает. Все, что накопело за годы после смерти маменьки. И маменькин портрет она должна забрать с подводы. Пусть останется с нею. Наташа его не отдаст. Тем более ценности он не представляет. А все остальное пусть забирает.

Полная решимости Наташа поспешила по лестнице вниз. Выскользнула на улицу. Нет, подводы стоят, как стояли. В том же месте. И рядом с ними не наблюдается никакого шевеления. Хотя в саду слышны какие-то тихие странные звуки...

Наташа поспешила к саду, стараясь держаться у стены дома. Потом шла на звук, перебегая от дерева к дереву. Потом застыла на месте с открытым ртом.

Вооружившись лопатой, тетя копала яму. Да она отродясь ничем подобным не занималась! Чтобы ее сиятельство сама взяла в руки какой-нибудь инструмент?.. Графиня тяжело пыхтела, но рыть продолжала. Наташа стояла под деревом, наблюдая.

Потом на короткое время из-за затянувших небо туч появилась луна, и Наташа увидела, что на земле рядом с ямой, которую копала тетка, стоит большая шкатулка. Та самая, в которой хранились драгоценности семьи Шум-

ских. Маменькины серьги и кольца, которые ей дарил папенька и которые по праву должны были перейти Наташе.

«Ах вот зачем тут тетя...»

Больше смотреть смысла не было. Наташа вернулась в дом. На ее губах играла легкая улыбка.

* * *

После разгрома армии Наполеона в усадьбу, вернее, на пепелище, вернулись только Наташа и старый граф. Тетка умерла в Петербурге, несколько дней промучившись резами в желудке. Но даже на смертном одре она ни слова не сказала Наташе про драгоценности. Брат и его друг, в которого была тайно влюблена Наташа, погибли. Но в Петербурге она встретила блестящего графа Беловозова, за которого в скором времени вышла замуж. Из маменькиных драгоценностей нашлись лишь одно кольцо и самые простенькие серьги — в теткиных вещах. А шкапулки в земле не оказалось. Куда тетка ее закопала? Может, выкопала вторую яму, а Наташа поленилась подольше за ней понаблюдать? Или ей все приснилось? Но ведь драгоценности куда-то подевались?!

Поскольку Наташа теперь оказалась последней в роду Шумских, старый граф договорился с будущим зятем, что молодые дадут детям двойную фамилию. Так появились графы Беловозовы-Шумские.

* * *

Год 1916

Граф Беловозов-Шумской вернулся из Парижа в Петербург за женой и детьми.

— Я все подготовил, — объявил он. — Мы должны срочно уезжать! Срочно! Или будет поздно!

— Вот Аннушка Скоробогатова говорила мне... — начала графиня.

— Все твои Аннушки могут говорить все, что угодно! Вспомни, как Шумские вовремя уехали из усадьбы, когда к Москве подходили войска Наполеона? Потом вернулись.

— Ты думаешь, дорогой, что мы тоже сможем вернуться? Вот Наташенька Григорьева говорила мне...

Подруги жены всегда раздражали графа. Будет просто прекрасно, если они останутся в Петербурге и не отправятся в Париж.

— Быстро собирайся! — велел он. — Поедем завтра.

— Как завтра?! — опешила графиня. — Да я...

— Мы не сможем взять все, Лиза, — объявил граф. Графиня схватила за сердце и уже готовилась разыграть приступ — в этом она была большая мастерица.

Про себя граф подумал, что он в свое время очень удачно велел сделать потайной ход в подвал, где можно будет спрятать накопленное за многие годы богатство графов Беловозовых-Шумских. Никто никогда не догадается о маленькой кнопочке у камина. И все будет ждать их возвращения. Когда бы они ни вернулись...

Он был уверен, что смута на Руси в скором времени закончится. Тогда они сразу вернутся. Следовало взять только самое необходимое, самое дорогое. И ни в коем случае не везти все драгоценности. Мало ли что может случиться в дороге. Старуха-графиня Шумская, легенда о которой передавалась из поколения в поколение, была хоть и... — нет, о мертвых или хорошо, или никак! — в общем, старуха Шумская правильно сделала, что закопала драгоценности в землю, когда приближались французские войска. И правильно, что никому не сказала про место. Не Наташу же было посвящать в тайну? Разве можно было доверить ее молоденькой девушке? И ведь графиня не собиралась умирать. А то, что племянница подсмотрела... Повезло девчонке. Но чего добилась-то?..

Следуя традициям семьи, надо точно так же все спрятать. Тем более картины-то в любом случае не вывезти. Когда граф будет заполнять тайник, за ним никто посторонний не проследит... Жене о потайной лестнице знать

не следует. Мало ли, разболтает своим Аннушкам и Наташенькам. Те и так столько раз обсуждали закопанный в землю при Наполеоне клад, что у Беловозова-Шумского зарождалась мысль: не отправятся ли дамочки сами на раскопки?

В помощники себе граф взял сына. Показал, где находится потайная кнопка, потом они полночи спускали вниз все ценное. Сундуки граф тоже велел сделать заранее. Они их только заколачивали, предварительно заполнив. Жена крепко спала, приняв капли. У младших детей сон был и без того крепок. Более того, звуки из подвала, если закрыть потайную дверь, до спален не доносились. Слуг граф отпустил.

Беловозовы-Шумские вернуться в Россию не смогли.

Графиня рвала на себе волосы и во всем обвиняла мужа. Ругала за то, что не разрешил ей взять накопленное добро, когда они уезжали. Граф напоминал жене, что они бы все равно не довели все до Парижа — слава богу, добрались сами. Лучше пусть драгоценности лежат в тайниках. Они там могут пролежать долго... В Париже он все-таки сказал жене про тайник.

Слушая ругань родителей, старший сын графа дал себе слово, что или он сам, или его собственный сын все-таки вернутся в Петербург и доберутся до богатств Беловозовых-Шумских.

Глава 1

— Юлька, в особняке банкира Виктора Глинских убийство! — радостно сообщил в трубку опер Андрюша, который регулярноставляет мне фактуру для телерепортажей и статей.

Я работаю криминальным обозревателем на медиамагната питерского разлива. Веду на принадлежащем ему телеканале «Криминальную хронику» и пишу статьи в еженедельник «Невские новости» — естественно, на свою любимую тему. Краткий репортажик по ящику с места событий, потом подробное описание в еженедельнике. Такая информационная политика распространяется не только на криминал, но и на все остальные темы, интересующие народ: шоу-бизнес, паранормальные явления, секс в большом городе, сад и огород... Канал у медиамагната один, печатных изданий много. От репортеров, в частности, требуется заинтересовать зрителей так, чтобы они потом неслись покупать издания холдинга. Они, слава богу, несутся.

Опер Андрюша, один из моих постоянных консультантов, как и многие его коллеги, искренне радуется, когда кто-то из безработных бывших спецназовцев, подавшихся в киллеры, или простых воров делает какую-нибудь гадость ближнему — конечно, не простому смертному, а тому, кто благодаря своим наглости, нахрапистости и проходимости оказался рядом с какой-нибудь кормушкой. По долгу службы Андрюша, конечно, должен ловить и сажать тех, кого следует, по его мнению, назвать санитарами леса. Но долг долгом, а покайфовать в душе никто не запретит.

— За мной можешь заехать? — спросил приятель.

Так, ясно, машина управления, как обычно, сломана. Но за предоставление фактуры я частенько оказываю сотрудникам услуги по доставлению их на место происшествия.

— Самого банкира? — уточнила я перед тем, как сорваться с места.

— К сожалению, нет, — вздохнул приятель. — Модельку. Его последнюю любовницу.

Судя по голосу, модельку Андрюше тоже было не особенно жаль. Знала, с кем связывалась. Ведь и взорвать могли в одном автомобиле. Ладно, приедем на место, выясним, что произошло.

Забрала оператора Пашку, успевшего, правда, уже здорово принять на грудь (ведь вечер же, почти ночь!), и помчалась к зданию управления. Перед входом уже паслись Андрюша с двумя коллегами, которые быстренько загрузились ко мне.

— Куда? — спросила я.

Мне назвали адрес в центре города.

По пути я угостила сотрудников органов недавно купленной мною в хлебном ларьке «Соломкой маковой». Подкрепляясь вполне нормальным продуктом, произведенным в Подмоскowie, приятели обсуждали, можно ли привлечь производителей данного продукта к уголовной ответственности за торговлю наркотиками. Решили, что, скорее всего, нет. Но очень хотелось бы посмотреть на того, кто поставил это название на упаковку.

Вскоре мы оказались перед уютным трехэтажным особнячком розового цвета, украшенным лепниной и парой львов.

— Как я хотел сегодня уйти домой пораньше! — вздохнул один из коллег Андрея. — А тут вначале одно, потом другое, теперь еще банкир... Если б еще самого шлепнули...

— Держу пари: виноват сам банкир, — объявил другой коллега. — Так и жди от них какой-нибудь гадости. Не мог девушку с утра убить.

— А это он ее?.. — открыла рот я.

— Пока неизвестно, — сказал Андрей.

— И нет чтобы хоть не в пятницу вечером, — пробурчал второй коллега. — Ну почему не в понедельник? Не во вторник?

— Да, банкиры совсем не думают о простых сотрудниках органов и о журналистах, — вздохнула я.

Вечером движение было слабое, поэтому мы без труда подъехали к нужному дому. Перед особнячком уже стояло несколько машин. Из журналистов на месте оказались только мы с Пашкой. Остальные или уже давно отдыхают, или... Не у всех есть старые друзья в органах.

Мы вошли внутрь. Оказались в довольно просторном холле (тоже с парочкой львов, только меньшего размера, чем на улице), из которого вверх шла лестница, украшенная ангелочками, зеркалами и какими-то статуями в нишах. Снизу статуи было не рассмотреть. Ангелочки были обоего пола и являлись скульптурными иллюстрациями к Камасутре. Никогда не видела их в таких позах. Оригинальная находка скульптора. Вот только интересно: скульптор жил до революции 1917 года или это кто-то из наших современников постарался?

— Когда будем подниматься, снимешь, — шепнула оператору.

Он кивнул. Потом покажем в холдинге. Наши очень любят смотреть дома «новых русских» и мафии, где мне, как криминальному обозревателю, иногда приходится бывать по долгу службы. И почему наши нувориши так любят ангелочков и статуи? Причем в каждом втором доме почему-то встречается богиня правосудия. Или это хохмачи-дизайнеры стараются?

— А что в этом доме было раньше? — спросила у Андрея.

— До революции или после?

— И до, и после.

— До — не знаю. Наверное, кто-то из великих князей или граф какой-нибудь жил. В общем, аристократ. Точнее сказать не могу. Но ведь в этом районе во всех домах проживала знать. После революции, конечно, национа-

лизировали. Передали одному научному обществу. Оно тут и размещалось до перестройки. Ну а потом... Сама понимаешь, в каком состоянии у нас сейчас наука, ученые и, соответственно, научные общества. Вот банкир и обосновался.

— Так он здесь только живет? — уточнила я. — Один? Здесь не банк? Не офисы?

— Ты что, его банк не знаешь?! — повернулся ко мне один из коллег Андрея.

— Ах да... — протянула я.

Что-то к вечеру пятницы туго соображаю. Банк хозяина особнячка представляет собой огромное десятиэтажное здание из стекла и бетона, с ночной подсветкой. Помню, когда в первый раз проезжала мимо в темное время суток, еще подумала: что же это у нас тут так быстро выстроили? На следующий день выяснила. Когда в следующий раз проезжала мимо, уже в дневное время, поразилась количеству машин (естественно, дорогих иномарок), припаркованных перед фасадом.

В городе имелось еще несколько филиалов. Как и в других городах, и, насколько мне известно, — на Кипре. Неудивительно, что Глинских сам проживает в таком старинном особнячке в центре города. Только вначале до меня никак не доходило, что здесь можно ж и т ь.

— А семья у него есть? — спросила у Андрея. — Или семьи?

— Холост. Периодически меняет моделек. Обязательно должна быть блондинка, причем с длинными волосами и ногами, растущими от ушей. Шляется с ними по всяким презентациям и выставкам. В ящике регулярно мелькает. Правда, у тебя в программе ни разу не появлялся. Хотя ему там самое место.

Пашка быстренько заснял холл, потом мы впятером поднялись на второй этаж, где произошло убийство и уже работали криминалисты. Нас встретил следователь Сан Саныч.

— Ангелочков засняли? — поинтересовался шепотом. Мы с Пашкой дружно кивнули.

— Это еще цветочки, — сказал Сан Саныч, прибывший на место раньше нас и уже осмотревший дом или, по крайней мере, какую-то его часть. Зачем следователю ходить в музеи, если время от времени вызывают на трупы в дома новой знати? У них гораздо интереснее. А сочетание стилей... Статуя а-ля «Девушка с веслом» перед картиной Рафаэля «Мадонна в зелени» или «Мадонна в кресле». На одной стене рядышком Тициан и Митьки... Просто божественно смотрится. Или что-то из современного на старый лад. Ну, например, «Чеченские боевики пишут письмо Президенту Путину». Или Бушу-младшему. Или Усаме бен Ладену. Они же действительно не запорожцы, чтоб турецкому султану писать?!

Фотограф съемку закончил, эксперт колдовал над трупом. Убитая лежала в огромном зале, украшенном картинами и напольными вазами. У меня создалось впечатление, что я попала в Эрмитаж. Подозреваю, что на стенах висели подлинники, а не копии. Из мебели в этом помещении, в которое посетитель попадал сразу же с лестничной площадки второго этажа, имелись три обитых шелком диванчика у разных стен и огромный белый рояль. На обивке диванчиков изображались целующиеся попугайчики. На картинах — в основном голые бабы, причем и стройные нимфы, и тетки в стиле Рубенса. Видимо, рассчитано было на гостей с диаметрально противоположными вкусами.

Банкир сидел в кресле в соседней комнате — библиотеке. Здесь были собраны старинные книги. Ни одной современной обложки. Возможно, книги остались от ученых. Банкир ведь вполне мог купить дом вместе с ними. С другой стороны, зачем ему научные книги? Или он просто собирает фолианты? Названия я рассмотреть не успела, да и невозможно было — из-за количества, высоких потолков и стершихся букв на корешках.

Когда мы вошли в комнату, Глинских резко повернулся, взглядом внимательных умных глаз осмотрел нас всех, потом остановился на мне. Судя по виду, совершенно не волновался. Уверен, что откупится?

— Здравствуйте, — сказал банкир.

Мы все ответили.

Он встал, подошел ко мне и с милой улыбкой спросил:

— Юлия Смирнова, если не ошибаюсь?

Я кивнула.

— Давно хотел с вами познакомиться, но никак не думал, что наше знакомство произойдет при таких печальных для меня обстоятельствах. Виктор Анатольевич Глинских. Можно просто Виктор.

Он взял мою руку двумя своими. Признаться, не знала, что делать, поэтому пока решила помолчать и послушать.

— Как я вижу, вы с оператором?

Я опять кивнула.

— Очень хочу попросить вас заснять все, что я буду говорить. Я тут уже один раз рассказал вон тому господину о случившемся, — Глинских кивнул на Сан Саныча, — но повторюсь специально для прессы и для вновь прибывших. А вам, — он повернулся к Сан Санычу, — давно уже пора отправлять группу по адресу моего двоюродного брата и давать информацию всем постам. Ведь сбежит же, мерзавец.

После слов банкира все сотрудники органов заговорили одновременно. Я, признаться, не совсем понимала, в чем дело. В соседней комнате лежит труп красивой блондинки, длинные волосы которой разметались по полу, тут совершенно спокойный банкир произносит речь...

Глинских тем временем вновь повернулся ко мне. На вид ему было года тридцать два, то есть чуть старше меня. Рост — где-то метр семьдесят восемь, полноват — вполне мог бы осчастливить многодетную семью каннибалов. Костюм, белая рубашка, галстук. Он так дома ходит?..

Глинских смотрел на меня внимательно и, пожалуй, изучающе.

— Отметьте, пожалуйста, в своем репортаже, Юлия... простите, как по отчеству?

— Владиславовна.

— Так вот, Юлия Владиславовна, отметьте, пожалуйста, в своем репортаже, что я сам вызвал милицию. И даже не стал звонить адвокату, потому что считаю: честному человеку нет необходимости приглашать адвоката, когда он звонит в милицию, чтобы сообщить о преступлении, о котором ему стало известно.

«Ну и формулировочка», — подумала я.

Банкир тем временем посмотрел на Андрюшу и теперь уже ему сказал, что «им» следует немедленно дать информацию всем постам — или как там это у «них» делается — с приметамы его двоюродного брата.

— Так, давайте все сядем, — предложил Андрюша. — И вы нам все подробно расскажете.

Сан Саныч хотел было что-то сказать, но Андрюша поднял руку и жестом попросил не встречать. Сан Саныч быстро все понял, решив отдать инициативу в руки Андрюши. У того обычно общение с нуворишами получалось продуктивнее. В особенности рядом со мной.

Банкир предложил нам всем пройти в гостиную. Это была третья комната, в которой нам удалось побывать. Отделана в голубых тонах — стены обиты тканью с золотыми двуглавыми орлами, голубые диванчики, кресла.

— К сожалению, сегодня у всей моей прислуги выходящей, — вздохнул банкир, опускаясь на диванчик, — и я не могу предложить вам кофе.

«А сами варить не умеете? — подумала я. — И даже не в курсе, где у вас в доме кофеварка?»

— Будьте добры, расскажите, как все произошло, — попросил Андрюша. — Против присутствия прессы, как я понял, вы не возражаете?

— Как раз наоборот! Я же сказал: хочу, чтобы присутствовала пресса и все фиксировалось. Юлия Владиславовна, можно мне потом будет сделать копию?

Я кивнула.

— Я, конечно, могу вызвать своего адвоката, но не вижу в этом необходимости, — продолжал ворковать банкир. За время последовавшего рассказа он вспомнил адвоката еще раз пять. И раз десять повторил, какой он че-

стный и что ему совершенно нечего скрывать от органов и от прессы.

По его словам, он сегодня ездил в гости к одной своей давней знакомой — владелице художественной галереи. Для виду помявшись («Как не хочется впутывать в это дело даму! Ах, как не хочется! Ни один уважающий себя мужчина не станет упоминать имя женщины, если этого можно избежать...»), он назвал и имя галеристки, и оба ее адреса (рабочий и домашний). Видимо, понимал, что на сей раз «не избежать».

Когда вернулся (точно назвал время), с удивлением понял, что в доме кто-то есть.

— Вы часто отпускаете всю прислугу? — спросил Андрей.

— На ночь. Но сегодня такое дело... Сегодня отпустил на целый день. Одна из моих горничных выходит замуж. Приглашены все остальные. Ну не мог же я отказать? Меня, конечно, тоже приглашали, но я посчитал, что мне появляться... неэтично, скажем так. Конечно, я поздравил молодых и даже оплатил им недельное свадебное путешествие на Канары. Завтра, конечно, кухарка уже выйдет на работу. Но я решил, что сегодняшний день переживу. Тем более я не собирался быть дома.

— А охраны у вас нет? — удивленно спросил Андрей. Меня, признаться, это тоже удивило.

— В доме? Нет. Есть дворецкий. Но он тоже на свадьбе. В банке, конечно, есть.

— А ездите вы один?

— На работу, по делам — нет. Там меня сопровождают охранники, но... Для престижа. Потому что так положено. Мне по статусу полагается иметь охрану. Хотя я считаю, что это совершенно ни к чему. Я стараюсь никому не переходить дорогу и со всеми дружить. Ведь вы же сами прекрасно знаете: ни один охранник, ни целый взвод опытных телохранителей тебя не уберезет, если ты наступил на больную мозоль... какому-то серьезному человеку, скажем так. Есть масса примеров. Юлия Владимовна их в своих передачах и статьях регулярно освещает.

щает. Практически у всех жертв наемных убийц была охрана. И что? Спасла она? Только сами отправились к ангелам, ну или чертям — по этому вопросу спорить не буду, не знаю. Да и как мне кажется, квалификация отечественных киллеров гораздо выше, чем квалификация охранников. А вы как думаете, Юлия Владиславовна? Может, как-нибудь сделаете передачу на эту тему? Сравнительное исследование?

Он легко улыбнулся.

— Поэтому у меня работают только те люди, которые мне нужны. Как вы сами понимаете, мне просто некогда готовить себе еду. Поэтому есть кухарка. Я люблю чистоту, поэтому две девушки занимаются уборкой, стирают. Одной для такого дома недостаточно. В кухаркин выходной кто-нибудь из горничных подает мне завтрак и ужин. Или я в тот день ужинаю где-то в ресторане. Плюс дворецкий. Не самому же мне открывать дверь? Могли бы девочки, но лучше пусть это делает мужчина. Он же выполняет по дому мужскую работу. Мужик — мастер на все руки. Служил во флоте. Мне не нужен никакой молодой тупой мордоворот.

В процессе разговора у меня о банкире, признаться, складывалось самое благоприятное впечатление. С его коллегами доводилось встречаться и раньше, эмоции они вызывали совсем другие. Конечно, за исключением крестного отца местной коза ностра Ивана Захаровича Сухокурова, который в последнее время числится банкиром. Но там — случай особый. Он такой же банкир, как я — багерина.

— Давайте вернемся к нашим баранам, — сказал Андрей. — Вы вошли в дом и...

— Во-первых, я увидел свет в комнате на втором этаже, где его не должно было быть. Я всегда гашу за собой свет. Привычка. Забыть его выключить я не мог. Прислуги сегодня не было. Да и они бы не забыли.

— Вы увидели свет, когда вышли из машины?

— Нет, еще в машине. Потом я поставил ее во дворе, специально обошел дом и посмотрел с улицы.

— Специально обошли дом?

— Да. Я собирался зайти с черного хода...

— В доме два входа? — уточнил один из оперативников.

— Да. Парадный, через который заходили вы, и второй, со двора — им обычно пользуется прислуга и я, когда сам сажусь за руль. Утром, конечно, за мной приезжает служебная машина с шофером, он останавливается у парадного. И вечером меня подвозят к нему. Моя же машина — та, на которой я езжу сам, — стоит во дворе.

К моему удивлению (и изумлению всей следственной бригады), самостоительно банкир ездил не на «шестисотом» «Мерседесе» (хотя для деловых поездок использовал как раз его), а на «БМВ», собранном лет пять назад, и не видел в этом ничего зазорного. Нам всем доводилось встречаться с нуворишами, которые ни в какую не желали расставаться с любимыми «Линкольнами» и «Хаммерами» и даже загоняли бы их себе в спальни — если бы драгоценные автомобили могли туда заехать.

— Сигнализация у вас в доме есть?

Банкир покачал головой.

— А вы не боитесь?.. — открыл рот один из оперативников.

— Кого? Обычных квартирных воров? Нет, не боюсь. Бомжи, которым не хватает на бутылку, сюда не пойдут. Солидные воры, перед тем, как идти на дело, изучают «клиента». Да, тут обычно прислуга, но... Солидный вор без труда выяснит, что... ко мне лучше не соваться. Я, как уже говорил, стараюсь со всеми поддерживать ровные отношения, но если кто-то переходит мне дорогу... Я не умею прощать. Понимаю: это не по-христиански, но... Себе я всегда говорю: меня растили атеистом, поэтому я не могу сразу же принять все, чему учит религия и требуется от верующего. Хотя уже стал задумываться о душе...

Он обвел нас всех взглядом и сказал твердым, жестким голосом:

— Я не прощаю тех, кто переходит мне дорогу. В чем угодно. По-крупному, по мелочам. И все, кто когда-либо

имел со мной дело, это знают. Если бы сюда залезли воры... Они бы об этом горько пожалели.

Потом банкир широко улыбнулся.

— Но ведь воры не залезали. — Он помолчал немного и добавил: — Я очень рано усвоил одну умную вещь: в начале ты работаешь на свою репутацию, потом репутация работает на тебя. Моя — работает.

— Однако сегодня кто-то к вам забрался без вас, — сказал Андрей.

— Не воры, — сказал банкир.

И вздохнул. Мы все ждали продолжения.

— Мне очень неприятно об этом говорить. — Он опять вздохнул. — Потому что дело касается близких мне людей...

— Людей? — переспросил Андрюша. — Во множественном числе?

Банкир кивнул.

— Да, господа. Я застал у себя дома Ольгу... — Он посмотрел на меня и оператора Пашку. — Это ее тело лежит в зале с роялем. Мы встречались с ней последние месяцы.

— А еще кого? — спросил оперативник.

— Моего двоюродного брата. — Банкир поморщился.

Затем поведал историю своей семьи. Конечно, не всю. Только то, что относилось к делу.

У его матери имелась сестра, у сестры — двое детей, девочка, вернее, давно уже женщина, Катя и Гриша. Катерина оказалась способной, окончила в свое время Финансово-экономический институт и сейчас трудится в банке кузена начальницей одного из отделов. Особо близка с ним никогда не была, но работает хорошо, с коллегами поддерживает ровные отношения — как и с родственником-начальником. Ситуация устраивает обе стороны.

Но так называемый маленький братец... В семье, знаете ли, не без уроды. Или, по английской поговорке, Гриша был той самой «черной овцой», которая и портила картину.

Братец постоянно впутывался в какие-то истории, из которых его в детстве вытаскивала мама, потом подклю-

чилась старшая сестра, в случае серьезных неприятностей его в последние годы вытаскивал банкир.

— Какого рода неприятности? — тут же сделал стойку боевого пса Андрей.

— Давайте это опустим, если можно. — Банкир скривился.

Оперативники кивнули. Пашка все снимал.

По словам Глинских, он застал свою любовницу Ольгу и двоюродного брата Гришу, выясняющих отношения у него в особняке.

— В какой комнате? — тут уже уточнил Андрей.

— В библиотеке.

Банкир опять скривился и добавил, что последней книгой, которую читали оба, по всей вероятности, была «Курочка Ряба». Может, «Колобок».

— Как они попали к вам в дом?

— Я тоже спросил об этом. Первым делом. Правда, ответа не получил. Вы потом поинтересуйтесь у Гришеньки.

— Следов взлома вы на дверях не видели?

— Признаться: даже не смотрел. Но чтобы явных...

— Дверь была заперта?

— Парадная — да. Я все-таки вошел через парадную, раз уж все равно обогнул дом. Как насчет черного хода — не знаю. Гришка убежал через него, так что... — банкир развел руками.

— Олег, сходи взгляни, — попросил Андрюша одного из коллег.

Тот с неохотой нас покинул. Наверное, ему было бы гораздо интереснее послушать банкира, но работа есть работа.

Правда, вскоре вернулся, причем не один, а вместе с криминалистом и дамской сумочкой. У убитой Ольги имелось несколько ключей. Банкира попросили взглянуть, не найдется ли среди них подходящего к его дверям.

— Вот этот — от черного хода, — тут же показал банкир. — Но... у нее этого не должно быть! Я никогда не даю своим женщинам ключи от дома!

Возмущался он очень искренне и долго. Потом замолчал, задумавшись. Думал тоже долго. Все молчали. Опергруппа рассматривала содержимое сумочки, Пашка его заснял, я взглянула мельком и, признаться, не обнаружила ничего необычного. Стандартный дамский набор. Вот если в мою заглянуть... Правда, у меня и не сумочка, у меня — побольше. Журналистке иначе нельзя. Но ведь мы же говорим о бывшей модели.

— Не знаю, откуда у нее ключ, — наконец произнес банкир вслух. — Если только как-нибудь сделала слепок, пока я спал... В прислуге я уверен. Они ей ничего не давали.

— А сколько существует ключей от ваших дверей?

— Давайте считать. У меня комплект. У Николая Петровича — это дворецкий. У Анны — это кухарка. У девочек-горничных нет, потому что, когда они приходят, на месте или Анна, или Николай Петрович. И есть еще один запасной комплект в сейфе на работе. Но у меня в кабинете Ольга никогда не была.

— То есть вы предполагаете, что она открыла дверь в ваш особняк своим ключом?

— Приходится так и предположить, — сказал банкир. — Если у нее оказался ключ... Что мне очень не нравится...

Внезапно он резко встал.

— Простите, я должен покинуть вас на пару минут.

Один из коллег Андрея поднялся, чтобы следовать за Глинских.

— Я вас очень попрошу... — обратился к нему банкир.

— Сядь, — сказал Андрей и положил руку парню на плечо.

Глинских быстрым шагом вышел из комнаты. Мы все переглянулись.

— Я уже верю в его невиновность, — признался Андрей.

— Всякое бывает, — задумчиво произнес опытный Сан Саныч. — Зачем ему убивать модель?

— А если что-то увидела? Ладно, послушаем дальше.

— Кстати, все стекла — пуленепробиваемые, — подал голос коллега Андрея.

— Но на гранатомет не рассчитаны, — хмыкнул приятель.

— Особнячок пока ничем не прославился, — заметил Сан Саныч. — Может, в архитектурных кругах о нем и говорят, но по нашей части вроде бы ничего не было.

Он посмотрел на меня.

— Как будто ничего, — подтвердила я. Банкир вскоре вернулся, извинился и сел на то же место.

— Все в порядке? — спросил Сан Саныч.

— То, о чем я беспокоился, — да. Но о каком порядке может идти речь? — Глинских кивнул в сторону зала с роялем, где так и лежал труп.

— Значит, вы застали вашу любовницу Ольгу и вашего двоюродного брата Григория ругающимися в библиотеке. Из-за чего они ругались?

— Не знаю, — сказал банкир. — Я не имею привычки прикладывать ухо к замочной скважине и вообще подслушивать под дверь. И это мой дом! Я не скрывался и даже не пытался. И шагов не приглушал. Я был возмущен. Я сразу же прошел в библиотеку, резко распахнул дверь и... Они меня в первый момент даже не заметили. Вы можете себе это представить?!

После нескольких лет работы криминальным обозревателем я, как и сотрудники органов, могла представить все, что угодно.

— А Ольга и Григорий были знакомы раньше? Они встречались до... сегодняшнего вечера?

Банкир кивнул и сообщил, что его любовница и двоюродный брат учились в одном классе. Более того, Григорий всегда был неравнодушен к Ольге.

— Она отвечала ему взаимностью?

— Ну если только в первом классе. — Он улыбнулся. — Ответ на ваш вопрос: нет. И на пока не заданный тоже: нет. В смысле не уводил ли я ее у брата? Не уводил.

Он вообще случайно узнал о знакомстве Ольги и Григория. Ольга ходила на вечер встречи с одноклассниками,

а вернувшись с него, уточнила у Виктора Анатольевича, в самом ли деле Григорий Петров является его братом.

— Фамилии-то у нас разные. Матери — сестры, но они после замужества поменяли фамилии.

А на вечере встречи одноклассников все рассказывали о том, кто кем стал. Про Ольгу многие и так знали, поскольку видели ее фотографии в модных журналах. Ее имя также периодически мелькало в желтой прессе, в последнее время — рядом с именем Глинских. Ну девчонки и спросили у нее прямо, в самом ли деле у Ольги любовь с известным банкиром, одним их самых желанных холостяков Петербурга. Братец Гришенька наострил ушки. Потом припер Ольгу к стенке, стал говорить про брата Витю гадости.

— Он мне всегда завидовал, — вздохнул банкир. — У неудачников всегда так. Почему у меня банк, «Мерседес», особняк? А у него случайные заработки, общественный транспорт и квартира, которую сестра купила им с матерью? А тут еще и Ольга оказывается моей девушкой... Вроде как я его по всем статьям обобрал.

— Он вам звонил? Угрожал? — уточнил Сан Саныч.

— Я не могу назвать это угрозами... — медленно произнес банкир. — Да, звонил. Всегда пьяный. Трезвому, видимо, не хватало смелости. И не только после того, как узнал про Ольгу. Раньше тоже. Знаете ведь: что у трезвого на уме, у пьяного — на языке. Высказывал мне все, что обо мне думает. Я не обращал внимания. В одно ухо влетело, в другое вылетело. И насчет Ольги, конечно, звонил.

— А как Григорий попал сегодня в ваш дом? Почему он пришел сегодня?

— Это вы у него спрашивайте. Не знаю.

— Он бывал здесь раньше?

— Никогда. Я не имею привычки приглашать сюда родственников. Мать, конечно, приходит. Я вообще уговаривал ее жить здесь со мной, но она сама не хочет. Говорит: так ты лишишь меня общения. Она живет в том же доме, где я родился, в нашей старой квартире. А рядом с

нею живут люди, которых она знает чуть ли не всю жизнь. Дети у многих разъехались, а старики ходят друг к другу в гости, вместе сидят на лавочках. А тут ей что делать? Я ее понимаю. С двоюродной сестрой мы домами никогда не дружили, Гришу я, признаться, никогда не горел желанием видеть, тетку, Гришину мать... А что ей, собственно говоря, здесь делать? И о чем нам говорить? Других родственников нет.

— То есть это первый визит Григория Петрова в ваш дом?

— Да. Вернее: насколько мне известно — да. Теперь я уже ни в чем не уверен.

— А почему Ольга сегодня приехала сюда?

— Понятия не имею.

— Вы с ней не поругались, раз вы сегодня поехали к... другой знакомой?

— Вы хотели сказать «любовнице»? — Банкир рассмехался. — Алла Николаевна никогда не была моей любовницей. И не будет. Да она мне в матери годится. Правда, очень обидится, если я это скажу при ней. Так что, пожалуйста, не цитируйте меня. У нас чисто деловые отношения. Я ведь собираю картины и другие предметы старины. А она, как я вам уже сказал, — хозяйка художественной галереи.

Андрей напомнил, что банкир — если опер не ошибается — сегодня ездил к хозяйке художественной галереи домой, а не на работу.

Глинских кивнул.

— Ценных клиентов Алла Николаевна обычно принимает дома. Хотя вначале мы поужинали в ресторане, — добавил банкир и назвал ресторан. Сотрудники органов название записали.

— Вы долго у нее пробьли?

Банкир задумался на мгновение.

— Часа два. Два с половиной.

— Кто знал, что вы поедете к ней?

— Ольга. Я сказал, что не могу с ней сегодня увидеться, потому что у меня деловая встреча и я не знаю, во

сколько она закончится. Что соответствует действительности. Я мог бы пробыть у Аллы Николаевны и час, и пять часов.

— Кто-нибудь еще знал?

Банкир покачал головой.

— А что вас не будет вечером дома?

— Прислуга. Я сказал... что где-нибудь поужинаю. Чтобы мне ничего не готовили. Пусть спокойно празднуют. Секретарша. Вот она тоже знала, что я собираюсь к Алле Николаевне. Она дозванивалась до галереи. Аллу Николаевну иногда бывает трудно застать на месте, а от сотового телефона она категорически отказывается. Считает, вредно для здоровья. — Банкир улыбнулся. — Хотя я его ей купил. Но она всучила мне его обратно. Больше никто.

— То есть, по всей вероятности, Ольга и Григорий встретились в вашем особняке случайно? — спросил Сан Саныч.

— Думаю, да. Если он, конечно, за ней не следил. И не проследил до моего дома. Потом увидел, как она открывает дверь своим ключом... Позвонил. Она открыла. Не знаю. Это все догадки. Я при их встрече не присутствовал.

— Так, давайте вернемся к скандалу в библиотеке. Вы поняли, о чем они спорили?

— Выясняли отношения. — Банкир нахмурился.

— То есть у них были какие-то отношения? — не отставал Сан Саныч.

— Не было у них никаких отношений! — Банкир впервые слегка повысил голос. — Григорий орал, что она спит со мной только из-за моих денег...

— Эта причина имела место?

— Не стану отрицать. Имела. Но, хотелось бы надеяться, что не только она. Понимаете, я стараюсь никогда не связываться с хищницами. Ольга не была хищницей, но, конечно, ей хотелось красивой жизни, дорогих вещей... Однако, как мне кажется, она была бы со мной, даже если бы нам приходилось встречаться и не в этом особняке. — Он помолчал и добавил: — Хотя и не в шалаше. С ее

внешностью следовало рассчитывать на большее. Но Ольга... не девочка из провинции, которая всеми силами старается зацепиться в Петербурге и впиается в мужчину ноготками, зубками, ложится под кого угодно. Нет, Ольга из очень приличной семьи. Мать и отец — кандидаты наук, всю жизнь занимались искусством, преподавали в вузах, работали в музеях. Да, они сейчас в тяжелом положении, получают мало... Но это — приличная девушка. Да, Ольгиной семье были нужны деньги, но, как мне кажется, она ни под одного мужчину не легла бы из-за денег. Или только из-за денег. Я даже заплатил за ее образование... Хотя к знаниям она не очень стремилась. Я настоял, и ее родители и сестра давили со своей стороны. Но она хотела быть моделью.

Все на какое-то время замолчали. Мне было искренне жаль эту девушку. Такую молодую, такую красивую... За что она умерла? И как жаль ее родителей...

Сан Саныч попросил банкира рассказывать дальше.

Виктора Анатольевича, наконец, заметили. Ольга тут же смутилась и замолчала. Гриша же набросился на двоюродного брата вначале словесно, с упреками. Обвинил его в разворовывании страны, краже денег у населения — это была старая песня.

— Он был пьян? — уточнил Андрей.

Банкир задумался:

— Если только слегка. Точно не в таком состоянии, в котором он высказывает мне подобные обвинения по телефону. Но... он был очень зол. На Ольгу, на меня, на весь свет.

— Как вы оказались в зале с роялем?

— Я схватил его за шкирку и хотел дать пинка под зад.

Он вырвался. Выбежал туда. И я, и Ольга последовали за ним. Гриша продолжал выкрикивать обвинения. Ольга попыталась его успокоить. Потом он решил устроить драку со мной. Бросился ко мне. Ольга попыталась влезть между нами. Он ее оттолкнул. Я крикнул, что сейчас вызову милицию. Он... В общем тут Ольга твердо сказала ему, чтобы он уходил, потому что она никогда с ним не будет.

Его лицо исказила ярость, он рывкнул: «Шлюха! Проститутка! Подстилка!» и швырнул ее на рояль. Я бросился к ней. Она... Я не совсем понял, как она ударилась, но тут как-то сразу рухнула на пол. Гриша продолжал что-то орать. А Ольга...

Банкир закрыл лицо руками.

— Я не мог поверить... Не мог... Что вот так... Я думал... она просто упала... Подвернула ногу... Потеряла сознание... Гриша тоже не сразу понял. А когда понял...

Внезапно банкир отнял руки от лица, оно исказилось гневом.

— Да ищите вы эту гниду! Что вы тут сидите, меня допрашиваете? Я ведь сразу вашим сказал, что за ним надо ехать! Я подключу все свои связи, чтобы он заплатил за Ольгину смерть! Это ничтожество... Он... сколько крови он матери своей попортил! Сестре! Мне! Так он еще и убийца!

За год до описываемых событий

У Николая, правнука русских эмигрантов Беловозовых-Шумских, был двоюродный брат. У него тоже имелись российские корни, но семья не могла похвастать легендами, которые передавались из поколения в поколение в семье Беловозовых-Шумских, вернее, теперь — только Шумских. Для французского уха двойная русская фамилия — это уж слишком. Правда, Николай всегда воспринимал себя именно как Беловозов-Шумской. И, как и все представители фамилии до него, жил с мечтой найти пропавшие драгоценности и вернуть оставленные в России богатства.

Идеей загорелся и двоюродный брат, хотя к Беловозовым-Шумским не имел никакого отношения: с ними породнилась его мать, а через нее и он.

Кузен вернулся из Цюриха, где посетил выставку изделий знаменитого ювелира Фаберже, и тут же приехал к Николаю.